

употребляется прецедентное высказывание *mucho humo...y algunas nieces*, мотивирующее ассоциации читателей с устойчивым выражением *mucho ruido y pocas nieces*.

Статья *El miedo en tiempos de coronavirus* рассказывает о том, что в настоящее время общество озадачено непростой ситуацией связанной с пандемией, однако в такое непростое время, считает автор, также могут произойти положительные изменения в сообществе. Прецедентное высказывание в заголовке статьи отсылает читателя к названию знаменитого испанского произведения *El amor en los tiempos de cólera* Габриэля Гарсиа Маркеса, хотя и приобретает негативную коннотацию.

В статье под названием *Sofá, manta, internet y coronavirus* анализируется образ жизни современного общества во время пандемии коронавируса. В последнее время люди вынуждены оставаться дома и переносить свою привычную жизнь на просторы интернета. В заголовке употребляется прецедентное высказывание, основанное на общеизвестной фразе *sofá, manta y peli* и сохраняет своё исходное значение, обращая внимание на то, во время самоизоляции люди работают и учатся из дома, прибегая к привычным домашним атрибутам.

Как уже было сказано выше, прецедентность является универсальной характеристикой публицистического дискурса, но при более детальном рассмотрении можно выявить национальную специфику их реализации, обусловленную, с одной стороны, языком как системой, а с другой, этническими особенностями менталитета носителей испанского, русского и белорусского языков.

В. Т. Иватович-Бабич

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Фразеологизмы являются специальными единицами не только языка, но и культуры, поскольку возникновение многих из них непосредственно связано с духовной жизнью народа.

Безусловно, двойственная природа *фразеологизма* как языкового знака с устойчивой структурой и метафорическим значением и одновременно как средства сохранения и ретрансляции культурного кода народа определяет сложности его передачи в процессе перевода текста любого стиля. Особую сложность эта задача получает в условиях художественного перевода.

Несмотря на близкородственность белорусского и русского языков, их фразеологические фонды имеют яркую национально-культурную специфику.

Фразеология наиболее полно отражает своеобразие культуры и национальную самобытность языка в целом и в пространстве художественного текста в частности. При переводе произведений художественной литературы всегда остро стоит проблема передачи ФЕ оригинала; не является здесь исключением и перевод с белорусского языка на русский.

В тексте художественного произведения фразеологизмы в качестве национально-культурного компонента являются маркером идиостиля писателя, его эстетических приоритетов, а также в определенной степени позволяет воссоздать языковую ситуацию того или иного исторического периода. В этом отношении интересным представляется вопрос об использовании в тексте фразеологизмов-заимствований.

В рамках исследования мы остановимся на рассмотрении особенностей функционирования фразеологизмов-полонизмов и русизмов в оригиналах и переводах на русский язык художественной прозы В. Короткевича.

Вследствие долгого взаимодействия белорусского и польского языков и в период ВКЛ, и в период Речи Посполитой многие фразеологические полонизмы закрепились в языке белорусском и не воспринимаются как заимствования: – «...*А табе, Ганчаронак, я дам дыхту*» («Чорны замак Альшанскі»). – «*Не буду, хай вас кадук*» «Цыганскі кароль» .

Однако в белорусском языке, особенно в пограничных районах, функционирует ряд польских фразеологизмов с прозрачной этимологией.

Фразеология польского языка представлена здесь рядом выражений, которые по-разному оформлены в тексте:

1. Фразеологизм передается и в оригинале и в переводе буквами латинского алфавита: –*Do jasnej cholery!* – *лямантаваў Бжэжжак* «У снягах драмае вясна») *Do jasnej cholery!* – *возмутился между тем Бжежжек.*

Na Starym Miescie/Przy wodotrysku/Puikownik Trepow/Dostai po pysku («Каласы пад сярпом тваім»).

В переводе на русский язык также в рифмованном контексте и в сноске и у автора, и у переводчика приводятся эквиваленты: *схапіць па пысе* – *схватить по морде*, однако в стилистическом отношении, на наш взгляд, в переводе наблюдается неточность в передаче коннотативной информации оригинала.

2. Польский фразеологизм передается графическими средствами белорусского языка:

А) *Але «да яснэй халеры», як кажуць палякі, ногі ў трыццацівасьмігадовага зусім не такія , як у васемнаццацігадовага* («Чорны замак Альшанскі»)/*Но, как говорят поляки, «до яснэй холеры» ноги у тридцативосьмилетнего совсем не такие, как у восемнадцатилетнего.*

Б) *Калі на стала з'явілася кава і тое, што да кавы, часам спажыўнае, а часам і не дужа, і мы ўжылі і тэго і другэго(ці овэго?), як кажуць браты-палякі, Щучка адкінуўся на спінку крэсла* («Чорны замак Альшанскі»)/*Когда на столе появился кофе и то, что к кофе, часом питательное, а часом и не очень, и мы употребили и тэго и другэго(или овэго?), как говорят братья-поляки, Щучка попросил рассказать новости.* В данном случае следует отметить, что рифмовка компонентов не допускает межъязыковой трансформации, которая привела бы к разрушению рифмы, а значит и фразеологизма в целом (такие ФЕ, построенные по законам рифмы и ритма, характеризуются наибольшей устойчивостью).

В) *Толькі і я не лыкам шыты, як кажучь рускія. Мы тэж не яцы-тацы, а цваняцы, як кажучь палякі і не нагою смаркаемся, як кажам мы («Чорны замак Альшанскі»)/Только и я не лыком шит, как говорят русские. Мы też nie jacy-tacy, a swaniacy, как говорят поляки, и не ногою смаркаемся, утверждают белорусы.* В тексте перевода дана сноска: *Мы тоже не такие-сякие, а ловкачи.* В границах одного высказывания автор использует фразеологизмы-синонимы из разных языков, что способствует усилению эмоционально-экспрессивной оценки явлений, служит для индивидуализации речи персонажа (в частности, свидетельствует о глубокой эрудиции ученого Космича).

Г) *Кампанія ў мяне была невелька, але бардзо порзадна, – сказаў я словамі не дужа прыстойнага польскага анекдота (Чорны замак Альшанскі)/Компания у меня была nie wielka, ale bardzo porzadna, – ответил я словами не очень пристойного польского анекдота.*

Д) *Разумны. Толькі ты, як паляк, мондры по шкодзе. Спахніўся позна («Чорны замак Альшанскі»)/Только ты вроде русского, задним умом крепок. Спыхватился поздно.* В контексте фразеологизм в переводах на русский заменяется соответствующим эквивалентом, это позволяет достаточно точно передать значение фразеологизма, но приводит к утрате образа ФЕ оригинала и в то же время искажает особенности речевой характеристики героя, созданной автором произведения.

Следует обратить также внимание на функционирование русских ФЕ в оригиналах произведениях В. Короткевича: автор иногда пользуется приемом цитирования русских ФЕ, тем самым позволяя персонажам демонстрировать свое знакомство с русской культурой и языком, что также способствует индивидуализации их речевых характеристик: *Два Рима пали, а Москва – Третий Рим, а четвертому не быть («Хрыстос прызямліўся ў Гародні»)*. *Той бачыць непатрэбнае і неістотнае, гэты – «зрит в корень» («Чорны замак Альшанскі»)*. *Бачыў усе купецкія выбрыкі, не дазваляў падмяняць купленага, прымушаў «показывать товар лицом» («Зброя»)*.

Следует сказать, что все вышеперечисленные иноязычные вкрапления выполняют определенные стилистические функции: делают речь героев более яркой, индивидуализируют их характеры, придают определенный колорит обстановке. Кроме того, очевиден тот факт, что эти выражения характерны для речи людей образованных (шляхты, студентов, учителей, врачей, ученых), что, по-видимому, должно свидетельствовать об их широкой эрудиции, высокой культуре и владении иностранными языками. Кроме того, функционирование фразеологизмов-полонизмов и русизмов в текстах художественной исторической прозы В. Короткевича, адекватно передает черты межъязыкового взаимодействия белорусского, польского и русского языков на территории современной Беларуси в составе разных государственных образований. Большая часть выявленных в ходе исследования фразеологизмов-полонизмов используется автором в романе «Черный замок Ольшанский», в котором повествуется о событиях на территории Западной Беларуси, а здесь и в настоящее время велика доля полонизмов в речи местных жителей, в силу чего индивидуализация речи героев является органичной и исторически оправданной.